

Евгений Солонович

ВЕРНУТЬСЯ ПОЕСТЬ РАССКАЗАТЬ

В конце октября 2019 года в Актовом зале Туринского университета два дня звучало имя Примо Леви: Турин отмечал годовщину возвращения будущего знаменитого поэта, прозаика, эссеиста и переводчика в родной город из Освенцима (Аушвица), где он провел одиннадцать месяцев.

Примо Леви родился 31 июля 1919-го года в Турине, в еврейской семье, и в прошлом году Италия отмечала еще и столетний его юбилей.

В 1943-м году в оккупированной нацистской Германией Италии будущий писатель уходит в горы, чтобы присоединиться к партизанам, и вскоре, взятый в плен фашистской милицией, помещается в пересыльный лагерь под Моденой. В феврале 1944-го года его отправляют эшеленом в Аушвиц, где из восьмисот пятидесяти человек, прибывших с ним, в живых остаются двадцать, одним из которых был он, заключенный № 174517.

Пройдут годы, и в последней своей книге «Канувшие и спасенные» Леви напишет: «Через сорок лет моя татуировка стала частью моего тела. Я не горжусь ею и не стыжусь ее, не выставляю напоказ и не прячу. Неохотно показываю любопытным, а тем, кто не верит, — с гневом. Молодые часто спрашивают, почему я не сведу ее. Зачем? В мире нас, кто еще носит на своем теле это свидетельство, и так осталось мало».

В 1947 году в небольшом туринском издательстве «Де Сильва» вышла книга Леви «Человек ли это?» — свидетельство о буднях лагеря смерти. Книге, переизданной в 1956 году издательством «Эйнауди» и вскоре переведенной на главные европейские языки, автор в качестве эпиграфа предпослал стихотворение, написанное 10 декабря 1946 года:

Вы, что живёте спокойно,
В тёплых своих жилищах,
Вы, кого дома по вечерам
Ждут горячий ужин и милые лица,
Подумайте, человек ли это —
Тот, кому нет покоя,
Кто работает по колено в грязи,
Кто борется за хлебные крохи,
Кто умирает по слову «да» или «нет»?

Солонович Евгений Михайлович — поэт, переводчик. Родился в 1933 году в Крыму, в городе Симферополе. Его переводы из Данте, Петрарки, Ариосто, Джузеппе Джоакино Белли, нобелевского лауреата Эудженио Монтале и других итальянских поэтов отмечены рядом литературных премий, в том числе Государственной премией Италии в области художественного перевода, премией «Венец» и др. Постоянный автор «ДН». Живет в Москве.

Подумайте, женщина ли это —
 Без волос и без имени,
 Без сил на воспоминанья,
 С пустыми глазами, с холодным,
 Точно у зимней лягушки, лоном?

Представьте, что всё это было,
 Заповедую вам эти строки,
 Запечатлейте их в сердце,
 Твердите их дома, на улице,
 Спать ложась, просыпаясь,
 Повторяйте их вашим детям.

А не то пусть рухнут ваши дома,
 Пусть болезнь одолеет,
 Пусть отвернутся от вас ваши чада.

Это и другие стихотворения Леви о лагере опровергали убеждение немецкого философа Теодора Адорно, что после Освенцима нельзя писать стихов. Возражая Адорно, Леви скажет: «Мой опыт говорит о другом. Тогда (1945—1946) мне казалось, что поэзия больше, чем проза, подходит для выражения того, что меня мучило. В то время я бы, не соглашаясь с Адорно, сказал, что после Аушвица можно писать стихи только об Аушвице».

В 1963-м году выходит «Передышка» — книга о долгом — через СССР, Румынию, Венгрию, Австрию и Германию — пути из Освенцима в Турин, предваряемая в качестве эпиграфа стихотворением «Подъём», написанным 11 января 1946 года:

Нам снились в лютые ночи
 Неотступные жестокие сны,
 Снились душе и телу:
 Вернуться, поесть, рассказать.
 Снились, пока не раздастся
 Отрывистая команда:
 «Wstawać!¹» —
 И сердце рвалось на части .

Наконец мы опять дома,
 Наши желудки сыты,
 Мы всё уже рассказали.
 Скоро снова команду услышим
 На чужом языке:
 «Wstawać!»

Последние слова этого стихотворения перекликаются с заглавием книги: время ее создания — годы холодной войны, означавшей возможность повторения мировой катастрофы. Книга заканчивалась возвращением автора в родной город, и неудивительно, что первый из двух октябрьских дней прошлого года в Турине, посвященных памяти писателя, открывался чтением студентами университета фрагментов «Передышки» на пятнадцати языках. Чтецы сменяли один другого, а на большом экране за их спиной появлялся оригинал читаемого фрагмента.

Первым прозвучал фрагмент, описывающий в начале книги появление недалеко от лагеря нескольких красноармейцев — представителей армии, освободившей

¹ Вставать! (польск.)

Освенцим. И казалось естественным, что публика в зале услышит его в русском переводе:

«Первые русские появились днем 27 января 1945 года. Первыми, кто их увидел, были мы с Шарлем, потому что как раз несли к общей яме тело венгра Самоши, первого умершего в нашей палате. Мы опрокинули носилки в загаженный снег, так как яма уже переполнилась, а иной возможности похоронить товарища у нас не было. Шарль снял шапку, прощаясь с мертвыми и приветствуя живых.

Русские — четверо молодых солдат — верхом, с автоматами в руках, настороженно ехали по дороге, ведущей к лагерю. Перед колючей проволокой остановились и, тихо переговариваясь, растерянно уставились на груды разлагающихся трупов, на разрушенные бараки, на нас, живых.

Словно парящие над своими огромными конями (дорога пролегла выше лагеря), на границе серого снега и серого неба, неподвижные под порывами влажного, напоенного оттепелью ветра, они, как ни странно, не были похожи на призраков.

Казалось, да так оно и было на самом деле, что в мертвой пустоте, по которой мы десять дней блуждали, как потухшие звезды, сконденсировалось ядро, возник центр притяжения: четыре вооруженных человека, чье оружие не было направлено на нас, четыре вестника мира в теплых меховых шапках с простоватыми мальчишескими лицами»¹.

После того как прозвучал (не помню, в переводе на какой язык) последний фрагмент книги, все чтецы вышли на авансцену и по очереди прочитали на разных языках три слова из стихотворного эпиграфа к «Передышке», одновременно появившиеся на экране:

TORNARE
MANGIARE
RACCONTARE²

И первыми эти слова снова прозвучали по-русски, и по мере того как их повторяли на английском, испанском, китайском, японском и других языках, у части слушателей, включая автора этих строк, на глазах выступали слезы.

Всемирную известность Примо Леви принесли эти две первые книги: «Человек ли это?» и «Передышка». По собственному признанию Леви, он редко, «не более одного раза в год», обращался к поэзии, но стихи его заслуживают особого внимания, подтверждением чему, надеюсь, могут послужить несколько стихотворений в моем переводе.

¹ Перевод Елены Дмитриевой.

² ВЕРНУТЬСЯ ПОЕСТЬ РАССКАЗАТЬ